

*Министерство общего и профессионального образования
Российской Федерации
Московский педагогический университет*

ЭХО

*Сборник статей по новой и новейшей
истории Отечества
Выпуск 3*

Москва 2000

Министерство общего и профессионального образования
Российской Федерации
Московский педагогический университет

ЭХО

Сборник статей по новой и новейшей
истории Отечества

Выпуск 3

Москва 2000

УДК 93/99 (4/9)
ББК 63.3 (2)
Э95

Эхо: Сборник статей по новой и новейшей истории Отечества: Вып. 3/ Э 95 Вступительная статья д.и.н., доц. Н.Д. Ерофеева. – М., 2000. – 111 с.

ISBN 5-7017-0265-0

Авторский коллектив: А.В. Репников, к.и.н. (редактор) А.Г. Важнин, к.и.н., В.В. Губин, Е.Ю. Зорина, В.Г. Макаров, к.ф.н., Р.Б. Романов, А.А. Свистунов, К.А. Торопов.

В третий выпуск сборника вошли работы посвященные различным малоисследованным аспектам новой и новейшей истории России. Материалы сборника предназначены для научных работников, ученых-обществоведов, аспирантов, студентов, всех, интересующихся отечественной историей, политикой и философией.

УДК 93/99 (4/9)
ББК 63.3 (2)

ШОЗ /03/
ISBN 5-7017-0265-0

© Московский педагогический университет
© Издательство МПГУ «Народный учитель»

СОДЕРЖАНИЕ

Ерофеев Н.Д.
Предисловие

5

РОССИЯ В XIX ВЕКЕ

Репников А.В.
Константин Леонтьев и Лев Тихомиров

7

Зорина Е.Ю.
Теория Монтескье в трудах российских
государствоведов конца XIX — начала XX вв.

17

Кривицкий С.И.
С.Н. Прокопович и полемика об интенсификации
крестьянского хозяйства

31

Свиштунов А.А.
Проблема реформирования Русской Православной
Церкви в начале XX века

38

Ромов Р.Б.
Правые в I Государственной Думе

47

Важенин А.Г.
Революция и земство (1917 год в московской губернии)

52

РОССИЯ И ГЕРМАНИЯ

Губин В.В.
Русско-германская «таможенная война» 1893 года:
истоки, ход, результаты

59

Торопов К.А.
К десятой годовщине последних выборов в Народную
палату ГДР

67

ЛЮДИ В ИСТОРИИ

Макаров В.Г.

В.И. Вернадский о космичности жизни и человеке

74

ИСТОРИОГРАФИЯ

Зорина Е.Ю.

Российские государствоведы конца XIX — начала XX вв. о теории разделения властей (историографический обзор)

92

ИСТОЧНИКИ

Репников А.В.

Два письма Льва Тихомирова к Ольге Новиковой

104

КОНСТАНТИН ЛЕОНТЬЕВ И ЛЕВ ТИХОМИРОВ

История взаимоотношений Л.А. Тихомирова и К.Н. Леонтьева еще недостаточно хорошо изучена в нашей историографии, хотя отдельные исследователи уже обратили свое внимание на эту проблему¹. Особый интерес в связи с разработкой данного вопроса вызывает переписка Л.А. Тихомирова и К.Н. Леонтьева. Письма Тихомирова к Леонтьеву в настоящее время хранятся в РГАЛИ в личном фонде последнего². Ответы Леонтьева на письма Тихомирова, к сожалению, на сегодняшний день не обнаружены. Сам Тихомиров утверждал, что у него сохранилось всего шесть-семь писем Леонтьева, при этом два или три письма он, по его словам, отдал Иосифу Фуделю или А.А. Александрову. Отдельные фрагменты из писем Леонтьева вошли в воспоминания Тихомирова «Тени прошлого. К.Н. Леонтьев», которые хранятся в ГАРФ и неоднократно публиковались в последние годы³. Особый интерес представляет то, что именно в ходе этой переписки была затронута проблема реального воплощения в жизнь социалистической идеологии в России; проблема, которая серьезно занимала Леонтьева в последние годы его жизни. Заслуживают внимания и письма Л.А. Тихомирова к О.А. Новиковой — писательнице, славянофильской ориентации. Письма Л.А. Тихомирова к О.А. Новиковой за период 1888-1904 гг., хранятся в ее личном фонде, в РГАЛИ. Для данной работы наибольший интерес представляют письма 1890-1891 гг., в которых упомянут К.Н. Леонтьев.

К моменту личного знакомства Тихомирова и Леонтьева, оба мыслителя уже успели познакомиться заочно, прочитав и оценив работы друг друга. 27 октября 1889 г. Тихомиров писал О.А. Новиковой: «Читаю... Леонтьева. Это очень оригинальная голова...»⁴. Фигура одного из крупнейших представителей российского консерватизма очень импонировала вчерашнему революционеру, чувствовавшему себя неопитом в монархическом лагере. С другой стороны, сам Леонтьев отнесся с большим вниманием к брошюрам Тихомирова, в которых тот критиковал либеральные и социалистические доктрины. 12 сентября 1890 г., рассказывая о своем пребывании в Москве Тихомиров писал Новиковой: «Из знакомых — единственный новый и очень интересный К.Н. Леонтьев»⁵. В письме от 14 сентября 1890 г. он продолжил эту тему: «В Москве я еще совсем чужой. Кроме легких редакционных знакомств, познакомился только с Леонтьевым (Конст. Ник.). Человек очень любопытный, но в Москве он ненадолго, а живет собственно в Оптиной

* Решников Александр Витальевич — родился в 1973 г. в Москве. В 1995 г. окончил Московский педагогический университет. В 1997 г. защитил кандидатскую диссертацию. В настоящее время работает старшим преподавателем Военно-технического университета. Автор монографии «Консервативная концепция российской государственности» (М., 1999), ряда научных и учебно-методических работ.

¹ См.: Милевский О.А. Л. Тихомиров и К. Леонтьев: к истории взаимоотношений // Вестник Томского государственного педагогического университета. Вып. 1. Томск, 1997; Сергеев С.М. Тихомиров и Леонтьев // В кн.: Тихомиров Л.А. Христианство и политика М., 1999.

² РГАЛИ. Ф. 290. Оп. 1. Ед. хр. 51.

³ См.: Литературная учеба. 1992. № 1 — 3; К. Леонтьев, наш современник. Сборник. СПб., 1993; Леонтьев К.Н. *pro et contra*. Кн. 2. СПб., 1995.

⁴ РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Ед. хр. 747. Л. 64 /об/.

⁵ Там же. Ед. хр. 748. Л. 41 /об/.

Пустыни»⁶. Познакомил Леонтьева и Тихомирова В. А. Грингмут. Именно он обратил внимание Тихомирова на книгу Леонтьева «Восток, Россия и славянство». 24 сентября 1890 г. Тихомиров упоминает в письме Новиковой о Леонтьеве: «Меня с ним познакомил В.А. Грингмут, по желанию самого Леонтьева; я у него был два раза»⁷. Знакомство состоялось в Москве. Вскоре К.Н. Леонтьев писал О.А. Новиковой о Тихомирове: «Он сам желал со мной познакомиться и провел у меня в гостинице «Виктория» два-три вечера в долгих и задушевных беседах»⁸. Беседы продолжались во время последующих приездов Константина Николаевича в Москву и поездки Тихомирова в Сергиев Посад, где жил Леонтьев. Тихомиров вспоминал: «В общей сложности за краткое время нашего знакомства я видел его очень часто, сидя подолгу, беседуя большую часть наедине, серьезно и сердечно. Мы сошлись очень быстро, сообщая друг другу и интимные подробности жизни, и свои духовные запросы, делясь мыслями о будущем. (Разница лет не составляла помехи дружескому сближению, потому что я по пережитому, выстраданному и продуманному был много старше своих лет, тогдашних 38 и 39 лет)»⁹. Именно в этот период сложилось определенное преклонение Тихомирова перед Леонтьевым. Он безусловно отдавал должное Леонтьеву — мыслителю, хотя и понимал, что тот не обладает реальной властью. 31 октября 1889 г. он записал в дневнике: «Взять хоть Леонтьева, что он? Нуль по влиянию, по последствиям. А, ведь, я ему в подметки не гожусь по таланту и силам»¹⁰. К тому же Тихомиров видел, как с каждым днем ухудшалось здоровье Константина Николаевича. 10 сентября 1891 г. он отмечал в письме Новиковой: «На Леонтьева я также не могу рассчитывать, это человек совершенно больной (физически), и уже не может быть деятельным»¹¹.

Леонтьев оказался человеком, оказавшим значительное влияние на духовное развитие Тихомирова. Сильное впечатление на Льва Александровича произвела, в частности, книга Леонтьева «Отец Климент Зедергольм, иеромонах Оптиной Пустыни», по поводу которой он писал автору 21 ноября 1890 г.: «Отца Климента» я уже прочел. Это прекрасная книга... Вы объясняете, как никто, православие и монашество. Говорю «как никто» понятно из светских писателей. *В отношении понимания православия я Вам вообще чрезвычайно много обязан* (выделено мной — А.Р.). Теперь я читаю Василия Великого о подвижничестве. Но даже и теперь — когда я все таки кое что уже знаю — все же трудно читать. У Вас же все приспособление именно к русскому интеллигентному уму. Жаль в высшей степени, что Вас мало читают именно те., среди которых Ваша проповедь православия была бы особенно полезна и м. б. — не удивляйтесь странности предположения нашла бы наиболее прозелитов. Я давал Ваши сочинения людям радикального направления — или лучше отрицательного, «нигилистического», и — они вас понимают гораздо лучше, нежели всяких «умеренных». середку на половине»¹². На глубокое понимание

⁶ Там же. Л. 42 /об/.

⁷ Там же. Л. 43; Впоследствии Тихомиров отмечал: «когда Грингмут познакомил нас в 1890 году лично, — мы встретились как будто давно знакомые» (К. Леонтьев, наш современник. С. 356).

⁸ НИОР РГБ, Ф. 126, К. 3323, Ед. хр. 22, Л. 21. Тихомиров утверждал, что инициативу знакомства проявил сам Леонтьев (см. выше).

⁹ К. Леонтьев, наш современник. С. 357.

¹⁰ Воспоминания Льва Тихомирова. М.; Л., 1927. С. 371.

¹¹ РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Ед. хр. 749. Л. 18.

¹² РГАЛИ. Ф. 290. Оп. 1. Ед. хр. 51. Л. 3-3 /об/; Тихомиров всячески подчеркивал свое «ученичество» в вопросах, связанных с православной традицией. 31 января 1891 г. разбирая дискуссию вокруг «Пушкинской речи» Ф.М. Достоевского, он писал о том, что «В споре все называют друг друга неправославными», и тут же оговаривался: «Я — откровенно говоря — такой еще ученик, что не могу разобраться в этих тонкостях. Множество же людей знают еще гораздо меньше меня, и стало быть — могут быть (?) лишь в самом решительном недоумении, из которого

Леонтьевым православной традиции Тихомиров обращал внимание и в письме к Новикову от 21 сентября 1891 г.: «У меня идет переписка с Леонтьевым. Он меня *очень* привлекает. Это личность совсем иная: грешная, ломаная, в которой однако есть и великая сила добра. Он очень умен. Я бы очень желал, чтобы он прожил еще десяток лет. Может быть он сделается очень нужным, необходимым человеком. Я думаю, что *Вам* трудно понять его. У вас натура *существенно* здоровая, вам, думаю, сравнительно мало приходилось бороться с дурными стремлениями. А он из тех, у которых ангел и чорт вечно сцепившись в отчаянной борьбе. Но у него этот ангел не изгнан, не уступает. Он меня глубоко привлекает двойным чувством уважения и жалости. Сверх того он глубоко сведущий православный»¹³.

В тот период у Тихомирова еще не было достаточно близких друзей и он был искренне рад возможности поделиться своими идеями с более опытным и умудренным человеком. В письмах Леонтьеву он подробно обсуждал необходимость «миссионерской деятельности» среди молодежи: «Я думал, думаю и буду думать, что нам, православным — нужна *устная* проповедь. Или лучше — миссионерство. Нужно миссионерство систематическое, каким-нибудь обществом, кружком. Нужно *заставить* слушать, *заставить* читать. Нужно искать, идти на встречу, идти туда, где вас даже не хотят. И притом... важно не *вообще* образованное общество, важна *молодежь*, еще честная, еще способная к самоотвержению, еще способная думать о душе, когда узнает, что у ней есть душа. Нужно идти с проповедью в те самые слои, откуда вербуются революционеры»¹⁴. Самому Леонтьеву отводилась роль своеобразного вождя: «С Вами, под Вашим влиянием или руководством пойдет не обижаясь, каждый, так как каждый найдет естественным, что первая роль принадлежит именно Вам, а не ему Наоборот, если... взять меня, то никто, во первых, не обратит внимания на мои слова, а если ж — паче чаяния — я бы и имел бы успех — это самое и оттолкнуло бы многих. Ведь люди — все такие свиньи, с этим нужно считаться. А то, знаете, от этих писаний (имеется в виду публицистическая деятельность — А.Р.) польза очень минимальная. Никто все равно не читает. Да еще хорошо *Вам*, по крайней мере пишете, что хотите. А мне напр.<имер> даже и развернуться нельзя. Везде свои рамки, и как дошел до этой рамки — стукнулся и молчи. Какая же это работа мысли?»¹⁵.

Другой оригинальной идеей был проект создания тайной организации, которую Леонтьев в шутку называл «Иезуитским Орденом», и которая должна была быть направлена для борьбы с бюрократией во имя самодержавия. В эту организацию планировалось включить В.А. Грингмута, Ю.Н. Говоруху-Отрока, А.А. Александрова и других. Организация не должна была себя афишировать, поскольку «правительственная поддержка скорее вредна, чем полезна, тем более что власть, как государственная, так и церковная, — не дает свободы действия и навязывает свои казенные рамки, которые сами по себе стесняют всякое личное соображение»¹⁶. В воспоминаниях, Тихомиров увлеченно рассуждал о том, как могла бы действовать эта, так и не созданная организация. Это Общество — считал он — должно быть тайным, то есть нелегальным. Правда это создает «постоянный риск правительственного преследования». Для того что бы не попасть под удар своих же правительственных сил Общество не должно иметь никаких признаков

раздается вопрос: да что же такое православие, да быть точно ли оно определено? Споры — просто опасные, я думаю» (РГАЛИ. Ф. 290. Оп. 1. Вд. хр. 52. Л. 6-6/об/).

¹³ РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Вд. хр. 749. Л. 23 - 23/об/.

¹⁴ РГАЛИ. Ф. 290. Оп. 1. Вд. хр. 51. Л. 4.

¹⁵ Там же. Л. 4/об/.

¹⁶ К. Леонтьев, наш современник. С. 376.

организации. У него не должно быть устава, печати, списков членов и протоколов заседаний. Необходимость создания именно *тайного* Общества понимал и Леонтьев. Развивая эту тему, Тихомиров предположил, что если бы дошло «до серьезного обсуждения этого плана», он бы высказал идею принять два устава — один явный и безобидный, удобный для властей, а второй настоящий для внутреннего пользования. Подобные игры взрослых людей («заговорщиков») происходили в значительной степени из осознания собственного бессилия изменить что-либо «сверху». К тому же, как верно заметил по этому поводу К.Ф. Шапило «такая организация не могла быть многочисленной»¹⁷. Это признавал и сам Тихомиров, считавший, что в Общество могли входить только знакомые между собой единомышленники. На этом примере хорошо видно, что мыслители-монархисты оказались в ловушке. Политическая ортодоксальность верхов и их утрата способности адекватно реагировать на происходившие в России изменения породили у большинства правящей верхушки веру в неосокрушимость самодержавия, а мыслители, подобные Леонтьеву и Тихомирову, выступали в качестве «беспокоящего фактора» и власти они были не нужны. Их просто не хотели слушать, да и сами они сознавали, что не могут конкретно повлиять на политику правительства.

В письме от 7 января 1891 г. Тихомиров поделился с Леонтьевым рассуждениями о интересующем его «еврейском вопросе». Он жаловался: «Плохо дело, Константин Николаевич, с евреями. Они, кажется форменным (формальным?) образом штурмуют Россию, хотят взять... По совести — не то, что почитаю, а прямо люблю Государя, и Церковь — но прочее — так все ранит, так разочаровывает, так все слабо, что болит сердце и болят уста! Куда нашим с евреями бороться! Все у них в руках»¹⁸. К сожалению, мы не знаем как отреагировал на этот пассаж Леонтьев, но попутно отметим, что отношение самого Леонтьева к так называемому «еврейскому вопросу» было не так четко выражено, как у Тихомирова. В то же время оно было и не так нейтрально, как считали исследователи. Например, 4 декабря 1890 г. Леонтьев писал И. Фуделю о том, что для сохранения государственной мощи России, без которой неосуществимо ее религиозное призвание нужно не только сохранить то деспотическое начало, которое уже было в истории России, «но и создать кое-что небывалое в подробностях (изгнать решительно евреев, сделать собственность менее свободной, а более сословной и государственной и т.п., сосредоточить церковную власть, причем, конечно, она станет деспотичнее)»¹⁹. В то же время, известно, что в повседневной жизни Леонтьев вполне спокойно относился к евреям. Когда он жил в Адрианополе, то его часто выручал деньгами местный еврейский ростовщик Соломон Нардеа, которому Леонтьев задолжал довольно крупную сумму. О том, как Леонтьев оценивал «еврейский вопрос» с теоретической точки зрения однозначно судить нельзя. Национальный вопрос для Леонтьева не являлся фетишем и он никогда не идеализировал славян. «Что такое племя без системы своих религиозных и государственных идей? — писал он — За что его любить? За кровь? Но кровь ведь... ни у кого не чиста... И что такое чистая кровь? Бесплодие духовное! Любить племя за племя — натяжка и ложь. Другое дело, если племя родственное хоть в чем-нибудь согласно с нашими особыми идеями, с нашими коренными чувствами»²⁰. Что касается Тихомирова, то он посвятил «еврейскому вопросу» ряд своих статей, причем его оценка данной проблемы укладывалась в рамки

¹⁷ Шапило К.Ф. Консерватизм на рубеже XIX — XX веков // В кн.: Гросул В.Я., Игенберг Б.С., Твардовская В.А., Шапило К.Ф., Эймонтова Р.Г. Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М., 2000.

¹⁸ РГАЛИ Ф.290. Оп. 1. Ед. хр. 51. Л. 13-13 /об/.

¹⁹ Леонтьев К.Н. Письма из Оптиной Пустыни // Литературная учеба. 1992. Кн. 3. С. 163.

²⁰ Леонтьев К.Н. Восток, Россия и Славянство: Философская и политическая публицистика. Духовная проза. (1872 - 1891). М., 1996. С. 108.

мировоззренческой концепции других русских правых идеологов²¹. К славянам же Тихомиров, подобно Леонтьеву, относился вполне прохладно.

Большой интерес у Леонтьева вызвала статья Тихомирова «Социальные миражи современности». В письме от 29 июля 1891 г. Тихомиров сообщал, что высылает эту статью для ознакомления: «Посылаю Вам мою статью «Социальные миражи современности». Это собственно продолжение «Начал и Концов». У меня еще тогда работа была задумана в трех частях. Не знаю, когда удастся сделать третью. Некогда у нас писать. Странная какая-то пресса. Впрочем Вы это знаете лучше меня», — и сожалел: «О социализме — пришлось смекать. Предмет громадный и потребовал он влиятельные большие морочки»²². Статья была опубликована в июльском номере «Русского обозрения». В ней доказывалось, что в случае практического воплощения в жизнь социалистической доктрины новое общество будет построено не на началах свободы и равенства, как это обещают социалисты, а на жесточайшем подавлении личности во имя государства. Тихомиров прогнозировал, что в грядущем социалистическом обществе важное место займут карательные органы, которые будут наблюдать за исполнением предписанных правил и сурово карать нарушителей. Он так же предполагал развитие бюрократии, в которой наиболее видное место займут руководители и пропагандисты, создающие идеологическое обоснование действий власти. «Власть нового государства над личностью будет по необходимости огромна. Водворяется новый строй (если это случится) путем железной классовой диктатуры» — писал Тихомиров²³. Размышления Тихомирова об установлении при социализме новой иерархии и железной дисциплины отвечали прогнозам самого Леонтьева, который к великому удивлению автора статьи, заметил, что если все действительно обстоит так, как описано в статье, то коммунизм будет полезен, поскольку восстановит в обществе утраченную справедливость. В разговоре с Тихомировым Леонтьев даже в шутку изобразил сценку из будущего социалистического строя: «Представьте себе. Сидит в своем кабинете коммунистический действительный Тайный Советник (как он будет тогда называться — это безразлично) и слушает доклад о соблюдении народом постных дней... Ведь религия у них будет непременно восстановлена — без этого нельзя поддержать в народе дисциплину... И вот чиновник докладывает, что на предстоящую пятницу испрашивается в таком-то округе столько-то тысяч разрешений на получение постных обедов. Генерал недовольно хмурится:

— Опять! Это, наконец, нестерпимо. Ведь надо же озаботиться поддержанием физической силы народа. Разве мы можем дать им питательную постную пищу? Отказать половине!

Докладчик сгибается в дугу.

— Ваше Высокопревосходительство (или как у них там будут титуловать!), это совершенно справедливо, но осмелюсь доложить. Ваше Высокопревосходительство циркулярно разъяснили начальникам округов, как опасно подрывать и ослаблять привычную религиозную дисциплину в народных массах. Начнут покидать обрядность, и где они остановятся? Осмелюсь доложить...

— Генерал задумывается.

²¹ См., например: Тихомиров Л.А. Евреи в России // В кн.: Критика демократии. М., 1997; Он же. Русский или еврейский вопрос? // В кн.: Апология веры и монархии. М., 1999.

²² РГАЛИ. Ф.290. Оп.1. Ед. хр. 51. Л.9; Л. 10 /об/. В 1896 г. в Москве вышла книга Л.А. Тихомирова «Демократия либеральная и социальная», куда вошли три отдельных работы: «Социальные миражи современности» («Русское обозрение», 1891. Июль); «Панама и парламентаризм» (Московские ведомости 1892 № 351, 354, 359; 1893 № 9, 12); «Коммунизм и партикуляризм» (Русское обозрение. 1892. Июль. Статья была опубликована под заголовком «Новейшие заявления коммунизма и партикуляризма»).

²³ Тихомиров Л.А. Критика демократии. С. 143.

— Да... конечно... Не знаешь, как и быть с этим народом... Ну — давайте доклад. И он надписывает: «Разрешается удовлетворить ходатайства».

Разумеется — замечает Тихомиров — говорилось это шутливо, но в Леонтьеве на эту тему зашевелилась серьезная философская социальная мысль, связанная с теми общими законами развития и упадка человеческих обществ, которые он излагает в «Востоке, России и славянстве». Он об этом серьезно задумался, ища места коммунизма в общей схеме развития, и ему начинало казаться, что роль коммунизма окажется исторически не отрицательного, а положительного»²⁴. В письме от 7 августа 1891 г. Леонтьев, поблагодарив Тихомирова за присланные ему «Социальные миражи современности», отмечал: «Приятно видеть, как другой человек и *другим путем* приходит почти к тому же, о чем мы сами давно думали», а в письме от 20 сентября 1891 г. еще раз вернулся к заинтересовавшей его теме: «Кроме разговоров о службе, я имею в виду переговоры с Вами о другом деле, не знаю — важном или не важном — я на него смотрю так или этак, смотря по личному настроению. Желал бы знать, что Вы скажете о нем. Я имею некий особый взгляд на коммунизм и социализм, который можно сформулировать двояко: во-1-х, так — либерализм есть революция (смещение, ассимиляция); социализм есть деспотическая организация (будущего); и иначе: осуществление социализма в жизни будет выражением потребности приостановить излишнюю подвижность жизни (с 89 года XVIII столетия). Сравните кое-какие места в моих книгах с теми местами Вашей последней статьи, где Вы говорите о неизбежности неравноправности при новой организации труда, — и Вам станет понятным главный пункт нашего соприкосновения. Я об этом давно думал и не раз принимался писать, но, боясь своего невежества по этой части, всякий раз бросал работу неоконченной. У меня есть *гипотеза* или, по крайней мере, довольно смелое *подозрение*; у Вас несравненно больше знакомства с подробностями дел. И вот мне приходит мысль предложить Вам некоторого рода сотрудничество, даже и подписаться обоим и плату разделить... Если бы эта работа оказалась, с точки зрения «оппортунизма», неудобной для печати, то я удовлетворился бы и тем, чтобы мысли наши были ясно изложены в рукописи»²⁵.

От Леонтьева Тихомиров получил предложение написать совместную работу о социализме. Самого Леонтьева эта идея настолько увлекла, что он согласился удовольствоваться простым написанием работы, без возможности ее опубликования. Но взгляды двух мыслителей на социализм разделились. Хотя Тихомиров и признавал за социализмом определенные заслуги, он не считал, что в число этих заслуг входит установление диктатуры государства над личностью. В статье «Славянофилы и западники в современных отголосках» Тихомиров даже мягко покритиковал своего уже покойного наставника, написав: «Я лично не имею надобности объяснять свое несогласие с социализмом, неизбежно ведущим к рабскому, антихристианскому строю. Я говорил об этом достаточно в последние годы, в том же «Русском обозрении». К.Н. Леонтьев так и умер, не разобравшись в точных отношениях вполне правильно понимаемого им православия и столь же

²⁴ К. Леонтьев, наш современник. С. 370 - 371; К концу жизни К.Н. Леонтьев всерьез заинтересовался возможностью противопоставления радикальных социалистических идей буржуазным идеям, в связи с чем представляется интересным мнение В.В. Розанова, считавшего, что Леонтьев заперся в «скорлупу своего жестокого консерватизма» только «с отчаяния», «прячась как великий эстет, от потока *мещанских* идей и мещанских факторов времени и надвигающегося будущего. И, следовательно, если бы его (Леонтьева) рыцарскому сердцу было вдали показано что-нибудь и не *консервативное*, даже *радикальное* — и вместе с тем, однако, не *мещанское*, не *плоское*, не *пошлое*, — то он рванулся бы к нему со всею силой своего — позволю сказать — гения» (Розанов В.В. Из старых писем. Письма Влад. Серг. Соловьева // Вопросы жизни, 1905, октябрь - ноябрь. С. 386).

²⁵ К. Леонтьев, наш современник. С. 356; 371-372.

правильно сознаваемого органического характера социальных явлений»²⁶. Таким образом можно отметить, что отношение К.Н. Леонтьева к социализму было иным, чем у Л.А. Тихомирова, видевшего в данном учении антихристианские и деструктивные тенденции. Леонтьев же к концу жизни выдвинул идею «союза социализма с русским самодержавием», которую Л.А. Тихомиров начисто отвергал.

Тихомиров спорил с Леонтьевым не только по глобальным вопросам, но и частным, чисто жизненным проблемам. Между ними даже произошел спор по поводу трактовки нравственности и безнравственности поступков. Дело в том, что Леонтьев делился с Тихомировым воспоминаниями о наиболее значимых событиях его жизни. Эти воспоминания не всегда были приятны Тихомирову. Своеобразный эстетизм Леонтьева не находил у него понимания и поддержки²⁷. Тихомиров даже считал, что там, где Леонтьева «соблазняло эстетическое сластолюбие, у него были поступки прямо безобразные... И грехов он совершал очень достаточно. Я не допытывался о них, и даже неприятно было слышать его признания... но он сам говорил об этом, как будто испытывая потребность исповеди и самообличения»²⁸. Темперамент и жизненный опыт у Тихомирова был иной, чем у Леонтьева и ему было явно неудобно слушать рассказы Константина Николаевича о его романтических приключениях в молодые годы. Сам Тихомиров писал Новиковой по поводу отношения к женщинам: «Печальное явление на свете эти женщины. Как было бы великолепно жить и работать, если бы их не существовало. Но видно уж судьба такая... Впрочем в конце концов — женитьба это нечто вроде кори, которую приходится переживать»²⁹. В написанных позднее воспоминаниях «Тени прошлого. К.Н. Леонтьев» Тихомиров относил все слабости Леонтьева к тому периоду его жизни, когда он находился в «состоянии неверия и усыпления нравственного императива» и жил «без веры в Бога и на всей свободе побуждений своей автономной личности, не признающей над собою никакого владыки»³⁰. На наш взгляд Тихомиров излишне резко противопоставляет «раннего Леонтьева» тому Леонтьеву — апологету православной веры и византизма, которого он знал лично. При этом Тихомиров не упускает случая «бросить камешек в огород» нелюбимой им либеральной интеллигенции. «Беспочвенная автономность — писал Тихомиров — вытекала у Константина Николаевича не из существа его души, а из интеллигентного воспитания, из внешней коры, которая облекала существо его души... Внутренний человек, пробуждаясь в Леонтьеве, начал пробиваться сквозь внешнюю кору, в которую был закутан воспитанием, рвал нити, связывающие его с наносным европеизмом, срастался снова с древними корнями, от которых был оторван»³¹. Выскажу предположение, что Тихомиров бессознательно сверял свой собственный путь к Богу с тем путем, которым шел Леонтьев. Но путь Тихомирова от революционера, написавшего однажды о своем неверии в «руку Божию», до православного монархиста был очень болезненным, а Леонтьев же так или иначе все время оставался в русле православной традиции, и революционером, а тем более «нелегалом», никогда не был. Метания и сомнения Леонтьева — это метания страстного, жизнелюбивого и эмоционального челове-

²⁶ Тихомиров Л.А. Критика демократии. С. 379.

²⁷ Подробнее о роли эстетического начала в жизни и творчестве К.Н. Леонтьева см.: К. Леонтьев о Владимире Соловьеве и эстетике жизни (По двум письмам) // Начала. Религиозно-философский журнал. 1992. № 2; Бочаров С.Г. «Эстетическое охранение» в литературной критике (Константин Леонтьев о русской литературе) // В кн.: Контекст. 1977. М., 1978; Бочаров С.Г. Эстетический трактат Константина Леонтьева // Вопросы литературы. 1988. № 12; Репников А.В. «Эстетический аморализм» в произведениях К.Н. Леонтьева. М., 1999; Шестаков В.П. Философия эстетизма Константина Леонтьева // Свободная мысль. 1994. № 7-8.

²⁸ К. Леонтьев, наш современник. С. 360 - 361.

²⁹ РГАЛИ. Ф.345. Оп. 1. Ед. хр. 750. Л. 3 /об/.

³⁰ К. Леонтьев, наш современник. С. 361 - 362.

³¹ Там же. С. 362.

ка. Метания и сомнения Тихомирова — это метания интеллигента, человека принадлежащего к «образованному меньшинству». Леонтьев был в большей степени дворянин и «барин», чем интеллигент. Поэтому вряд ли можно согласиться с тем мнением Тихомирова о том, что «воспитание сделало из него (Леонтьева — А.Р.) «интеллигента» новой России, отрицателя органических основ своей страны и потому глубокого «нигилиста»³². Слова «глубокий нигилист» по отношению даже к молодому Леонтьеву звучат через чур притянуто и фальшиво.

К сожалению, дружеским отношениям двух мыслителей был отмерен судьбой короткий срок. Последний месяц их общения был посвящен заботе о «духовных запросах» Тихомирова. Проекты написания статьи о социализме и создания тайного общества были отложены на потом. Последнее письмо Леонтьева от 4 ноября 1891 г. заканчивалось словами: «Простите, больше ни слова не скажу. Была лихорадка, ослабел, принял 12 гр. Хинина. Теперь голова плоха»³³. 12 ноября 1891 г. Константина Николаевича Леонтьева не стало. В этот день, узнав о кончине своего друга и единомышленника, Тихомиров записал в дневнике: «У меня еще не умирало человека так близкого мне не внешне, а по моей привязанности к нему. Судьба! Мне должно быть одиноким, по видимому. Он мне был еще очень нужен. Только на днях предложил *учить* меня, быть моим *катехизатором*. И вот, — умер... Меня эта смерть гнетет. Так и хочется написать ему: «Константин Николаевич, неужели вы серьезно таки умерли?.. Тоска ужасная. Где он теперь? Проходит ли «области воздушные», где сторожат проход «лица угрюмые и мрачные». Господи, помоги. И мне помоги»³⁴. В письме к Новиковой 18 ноября 1891 г. он сообщал «У меня и еще неприятность: смерть К.Н. Леонтьева, с которым я последнее время сошелся очень сердечно»³⁵. 11 января 1892 г. он еще раз вспомнил о Леонтьеве в письме к Новиковой: «Не поверите, какую пустоту я чувствую по смерти Леонтьева. Это был здесь единственный человек, с которым я почти уже сталкивался чтобы что-нибудь делать. Все мои люди умирают: Толстой, на которого я рассчитывал, Пазухин, который на меня рассчитывал, наконец Леонтьев»³⁶.

После смерти Леонтьева Тихомиров опубликовал несколько работ, посвященных ему. В частности, он посвятил ему статьи «Русские идеалы и К.Н. Леонтьев», и «Славянофилы и западники в современных отголосках», в которых разъяснял леонтьевские идеи и защищал их от нападок неославянофильских и либеральных публицистов. В работе «Славянофилы и западники в современных отголосках» Тихомиров подверг критическому разбору статью С.Н. Трубецкого «Разочарованный славянофил». По мнению Тихомирова статья Трубецкого «не есть исследование», поскольку ее автор не учитывает изменение мировоззрения Леонтьева в различные периоды его жизни, не знает всех работ Леонтьева (то есть не может проследить по работам эволюцию взглядов автора), и к тому же допускает ошибки в приводимых им цитатах. Тихомиров отвергает и трактовку Трубецким отношения Леонтьева к религии, утверждая, что «в Леонтьеве идея православия выступает с редкой чистотой и ясностью»³⁷.

В статье «Больные места публицистики» Тихомиров еще раз возвратился к работе Трубецкого, видя ее главный недостаток в том, что автор стремится не разобрать точку зрения Леонтьева, а только раскритиковать его. В результате Трубецкой «только убедил

³² Там же. С. 360.

³³ Там же. С. 377.

³⁴ Воспоминания Льва Тихомирова. С. 397 - 398.

³⁵ РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Ед. хр. 749. Л. 38 /об/.

³⁶ Там же. Ф. 345. Оп. 1. Ед. хр. 750. Л. 4 - 4 /об/.

³⁷ Тихомиров Л.А. Критика демократии. С. 383.

кое-каких своих сторонников не читать Леонтьева, не вдумываться в его идеи, то есть, другими словами, лишил этих людей некоторой доли умственного развития, которое получается при обдумывании чужой точки зрения»³⁸. В статье «Русские идеалы и К.Н. Леонтьев», автор подчеркивает творческий характер традиционализма Леонтьева, заявляя, что тот «по существу, звал к будущему, к развитию, к «процессу» того типа, который мы получили от рождения. Никакой «реакции», никакого «ретроградства» тут быть не может»³⁹. Возражая в статье критикам из консервативного лагеря, Тихомиров стремился доказать, что «еще старые славянофилы почувствовали необходимость осветить положение России при помощи идеи *органического развития*», а Леонтьев, взявший на вооружение эту идею, вовсе не был реакционером и ретроградом, чуждым славянофильских взглядов, как доказывал это славянофил А.А. Киреев⁴⁰.

Рассмотрению мировоззрения К.Н. Леонтьева уделено место и в фундаментальной работе Л.А. Тихомирова «Монархическая государственность». Тихомиров считал, что не смотря на всю оригинальность и самобытность взглядов Леонтьева «в них тоже нет подробного анализа самой «конституции»... монархизма, анализа его связей с народом и способов действия. Ибо византийская централизация и бюрократизм не могут же считаться неперменной принадлежностью русской государственности, в которой Леонтьев сам указывает не на дикторальное, а родовое начало в появлении монархии. Что делать? Как править? К каким целям приспособлять деятельность власти? На эти вопросы Леонтьев общего ответа не давал. Как публицист, он касается многих частных вопросов. Но что касается общих целей, лежащих перед властью, этого он не касался. Мне кажется, что в определении этих целей он стоял также на византийской точке зрения. Как в Византии думали только о том, чтобы по возможности «сохранить» остатки Римского достоинства, а если возможно, то прибавить к ним что-нибудь и из утраченного, так, мне кажется, и для России Леонтьев видел возможность лишь строжайше консервативной политики. Он выражал большие сомнения в молодости России, сильно полагал, что она уже дошла до предельного развития, начала склоняться к дряхлости, когда приходится думать не о развитии сил, а только о том, чтобы поменьше их тратить, помедленнее идти к неизбежному концу. С такими предчувствиями, конечно, не может быть охоты к разработке «конституции» хиреющей страны и монархии, и если бы он дожид до наших дней (1905 г.), то, конечно, признал бы в России все признаки разложения, а не развития. Может быть, он был бы и прав. Но — задачи науки не связаны с судьбами, жизнью и смертью России. Область науки — разум и истина. Вопрос о том, какая страна имеет силу быть в разуме и истине, не изменяет обязанности науки указать истинные законы разумной политики»⁴¹.

Смерть Леонтьева была тяжелой потерей для Тихомирова, но ему предстояло испытать еще много потерь и дожить до полного крушения той самодержавной России, служению которой он отдал годы своей жизни. Словно предчувствуя это крушение 11 октября 1894 г. Тихомиров записал в дневнике: «Бедная Россия! И какие потери. Все, что ни есть крепкого или подававшего надежды — все перемерло: Катков, Д. Толстой, Пазухин, К. Леонтьев, П. Астафьев. Ничего кругом: ни талантов, ни вожаков, ни единой личности, о которой бы сказал себе: вот центр сплочения. А остатки прошлого, либерально-революционного, пережили 13 лет, тихо и без успехов, но в строжайшей замкнутости и дисциплине сохранили все позиции, сохранили даже людей, фирмы, знамена, около кото-

³⁸ Там же. С. 440.

³⁹ Тихомиров Л.А. Там же. С. 516.

⁴⁰ Там же. С. 511.

⁴¹ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М., 1998. С. 312.

рых завтра же могут сплотиться целые армии»⁴². Сомнение в дальнейших перспективах развития самодержавной России постоянно прорывалось на страницах писем и дневников Тихомирова, но теперь у него уже не было такого собеседника, как Константин Николаевич, что бы поделиться с ним сокровенными мыслями. С одной стороны, являясь одним из монархических идеологов, Тихомиров не должен был сомневаться в неизбежном поражении социализма, с другой стороны, он не мог не видеть, что самодержавный режим приближается к роковой черте. 11 февраля 1905 г. он записывает в дневнике: «Нет ничего гнуснее вида нынешнего начальства — решительно везде. В администрации, в церкви, в университетах. И глупы, и подло трусливы, и ни искры чувства долга. Я уверен, что большинство этой сволочи раболопно служило бы и туркам, и японцам, если бы они завоевали Россию», характерна и запись, сделанная Тихомировым в дневнике 20 мая 1905 г. после Цусимского сражения: «Дело не в гибели флота... но ведь и вообще все гибнет. Уж какая ни есть дрянь Россия, а все-таки надо ей жить на свете. Ах, как мне жаль этого несчастного царя! Какая-то искупительная жертва за грехи поколений. Но Россия не может не желать *жить*, а ей грозит гибель, она прямо находится в гибели, и царь бессилен ее спасти, бессилен делать то, что могло бы спасти его и Россию! Что ни сделаешь, губит и ее и его самого. И что *мы*, простые русские, как я, например, можем сделать? Ничего ровно. Сиди и жди, пока погибнешь!»⁴³.

К концу жизни Тихомиров целиком погрузился в проблемы религиозно-философского характера, написав две фундаментальные работы — «Религиозно-философские основы истории» и «В последние дни». Таким образом, он, как и Леонтьев пришел к осмыслению явлений мировой истории через эсхатологическую призму. И видимо не случайно, уже на склоне лет он включил в свои воспоминания «Тени прошлого» главу, посвященную Леонтьеву. Согласно архивной датировке эта работа писалась Тихомировым в 1920-1921 гг., когда он уже был умудренным жизнью человеком. Читая эти воспоминания, перелистывая старые письма Тихомирова, понимаешь как много значил для него Константин Николаевич, благодарную память о котором Тихомиров пронес через всю свою жизнь.

⁴² Воспоминания Льва Тихомирова. С. 424 - 425.

⁴³ 25 лет назад (Из дневников Л. Тихомирова). Красный архив. Т. 2. М., - Л., 1930. С. 63; 71.

ДВА ПИСЬМА ЛЬВА ТИХОМИРОВА К ОЛЬГЕ НОВИКОВОЙ

Сложная и запутанная судьба Льва Александровича Тихомирова (1852-1923) давно привлекает к себе внимание как отечественных, так и зарубежных историков и публицистов¹. Это не случайно, поскольку в его противоречивой судьбе как в капле воды отразились те изменения, которые переживала пореформенная Россия. Активный участник революционного движения, член исполнительного комитета партии «Народная воля», автор открытого письма к Александру III, признанный идеолог революционного народничества — он перечеркнул всю свою прежнюю жизнь, и ушел в монархистский лагерь. В июле 1888 г. в Париже вышла брошюра Тихомирова «Почему я перестал быть революционером», которая одновременно представляла собой покаянную исповедь и являлась предложением к сотрудничеству, обращенным к правительству России.

Существует обширная мемуарная литература, в которой бывшие соратники Л.А. Тихомирова дают свои оценки произошедшего с ним переворота. Они называли

¹ См.: Костылев В.Н. Ренегатство Л.А. Тихомирова и русское общество в конце 80-х - начале 90-х годов XIX в. // В кн.: Проблемы истории СССР. Вып. II. М., 1980; Он же. Лев Тихомиров на службе царизма: (Из истории общественно-идеинной борьбы в России в конце XIX - начале XX вв.) // Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1987; Он же. Выбор Льва Тихомирова // Вопросы истории. 1992. № 6-7; Булачев Ю. Своясь с Россией. О жизни и творчестве Л.А. Тихомирова // Москва. 1992. № 2-4; Ремнев А.В. (Идейная метаморфоза Льва Тихомирова) между революцией и самодержавием // Русский вопрос: история и современность. Омск, 1993; Неволлин С.Б. Лев Александрович Тихомиров // Русские философы (конец XIX - середина XX века): Антология. Вып. 2. М., 1994; Степанов А.Д. «Я увидел и отвернулся...» (Лев Тихомиров о русской революции) // Вече: Альманах русской философии и культуры. Вып. 1. СПб., 1994; Милевский О.А. К вопросу о причинах отхода Л. Тихомирова от революционного движения. Томск, 1995. Деп. ИНИОН РАН: 51133; Он же. Тихомиров Л.А.: (От революционности к монархизму) // Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Томск, 1996; Бурин С.Н. Судьбы безвестные: С. Нечаев, Л. Тихомиров, В. Засудлич. М., 1996; Трифонов А.Г. Апокалиптические элементы в мировоззрении Л.А. Тихомирова: эсхатологическая история России // В кн.: Россия в новое время: Историческая традиция и проблемы самоидентификации. М., 1996; Белов В. Незамеченная книга // Наш современник. 1997. № 1; Кан Г.С. «Народная воля»: идеология и лидеры. М., 1997; Милевский О.А. Л. Тихомиров о взаимоотношениях православной церкви и самодержавного государства (1892-1905 гг.) // Вестник Томского государственного педагогического университета. Вып. 3. Томск, 1997; Ремнев А.В. Крестный путь Льва Тихомирова // Исторический ежегодник. Специальный выпуск. Общественное движение в Сибири в начале XX века. Омск, 1997; Кублановский Ю. О публицистических мыслях Льва Тихомирова. // Рецензия на книгу: Тихомиров Л.А. Критика демократии. М., 1997 // Новый мир. 1998. № 11; Карцов А.С. Проблема личности и власти в творчестве Л.А. Тихомирова // В кн.: Личность и власть в истории России XIX-XX вв. СПб., 1997; Репников А.В. Лев Тихомиров - от революции к апокалипсису // Россия и современный мир. 1998. Вып. 3; Он же. Л.А. Тихомиров о «заслугах и ошибках социализма» // В сб.: провинция России: тенденции, факторы и перспективы социокультурной динамики. Материалы круглого стола «Регионы России» III Международной Кондратьевской конференции. М. - Кострома, 1998; Сергеев С. «Мои идеалы в вечном...» (Творческий традиционализм Льва Тихомирова) // В кн.: Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М., 1998; Чурзин В.В. Л.А. Тихомиров и парижская эмиграция // Вече: Вып. 11. СПб., 1998; Репников А.В. Консервативная концепция российской государственности. М., 1999; Он же. Неизвестная мистическая повесть Л.А. Тихомирова // В сб.: Эхо. Сборник статей по новой и новейшей истории Отечества. Вып. 1. М., 1999; Задоржников И.Е. Мошелков Е.Н. Тихомиров Л.А. // Русская философия: Словарь. М., 1999; Ермаков Д.В. Пролубников А.В. Шириняц А.А. Русская социально-политическая мысль XIX — начала XX века: Л.А. Тихомиров. М., 1999; Итенберг Б.С. Российская интеллигенция и Запад: Век XIX. Очерки. М., 1999; Гросул В.Я. Итенберг Б.С. Твардовский В.А. Шацко К.Ф. Эймонтова Р.Г. Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М., 2000; Смолин М.Б. Очерки Имперского Пути. Неизвестные русские консерваторы второй половины XIX — первой половины XX века. М., 2000. Tidmarsh K. Lev Tikhomirov a Crisis in Russian Radicalism // Russian Review. Vol. 20. № 1. January. 1961; Abbott Gleason The Emigration and Apostasy of Lev Tikhomirov // Slavic Review. Vol. 26. № 3. September. 1967; Wada H. Lev Tikhomirov. His Thought in his years, 1913 - 1923. Tokyo: institute of social sciences University of Tokyo, 1987.

различные причины действий Тихомирова. Н.А. Морозов думал, что у Тихомирова «никогда не было прочных убеждений в необходимости изменения самодержавного образа правления»; А.П. Прибылева-Корба писала по этому поводу «...что позорное и смелное поведение Тихомирова в период от 1884 года и позднее есть следствие его психического заболевания. И у него и было достаточно причин, чтобы сойти с ума! Нам, видевшим его в качестве основателя страшной ее врагам революционной партии «Народной Воли», и позднее в качестве популярного и любимого вожака во главе этой партии, вполне ясно, что только физическое изменение его мозга могло превратить выдающегося и талантливого человека в жалкое существо, вселявшее во всех видевших его отвращение и презрительное чувство презрения... Надо признать, что у Тихомирова не было недостатка в причинах потерять душевное равновесие, и сойти с ума. Со временем психическое расстройство переходит в слабоумие. Тихомиров делается ханжой, монархистом, поклонником Александра III и Победоносцева»². С. Кравчинский писал в 1888 г. П.Л. Лаврову о том, что полученные им сведения о новых взглядах Л.А. Тихомирова на М.Н. Каткова и Александра III заставили его серьезно задуматься, не сошел ли Тихомиров с ума. Аналогичной точки зрения о душевной болезни Л.А. Тихомирова придерживалась и В.Н. Фигнер. Одни говорили о «дурном» влиянии «мещанки — жены», другие о провокации заграничной охраны. Сам же Тихомиров в брошюре «Почему я перестал быть революционером» писал о безнравственности революционного пути, противопоставляя ему путь эволюционный. В то же время его объяснения, при всей их искренности, прежде всего, были ориентированы на привлечение внимания представителей правительственных кругов самодержавной России. В дальнейшем, на протяжении многих лет, перед читателями тихомировских статей будет являться образ убежденного в правоте своего дела монархиста. Но был ли Тихомиров так твердо уверен в своем выборе?

Прошение Тихомирова на Высочайшее Имя с просьбой о помиловании было подано 12 сентября 1888 г. От старой жизни он решительно отошел, но какова будет новая, еще не знал. В этот период ему нужен был надежный и влиятельный советчик. Таким человеком и стала Ольга Алексеевна Новикова. Родившаяся в 1840 г. в семье известных славянофилов Киреевых, она была умной и незаурядной женщиной, сотрудничала в «Московских ведомостях» и «Русском обозрении». Среди ее знакомых были: Т. Карлейль, М. Нордау, М.Н. Катков, А.С. Суворин, К.Н. Леонтьев, К.П. Победоносцев и др. Большую часть жизни Новикова провела в Англии. Именно туда на Brook Street, в Лондон, посылал ей письма Лев Тихомиров. Помимо чисто дружеского интереса к Новиковой, он стремился, пользуясь ее связями в высших кругах, убедить власти в искренности своего раскаяния и заинтересовать их возможностью сотрудничества. Немаловажно и то, что она помогала Тихомирову деньгами.

26 октября 1888 г. Тихомиров записывает: «У меня завязалась настоящая переписка с Новиковой: предубойная личность. По-видимому, она тоже заинтересовалась мною»³. С этого времени имя Новиковой часто встречается на страницах тихомировского дневника. «Что это за странная личность О<льга> А<лексеевна>! Что-то из ряду вон и по уму, и по сердцу!» — записывает он 9 ноября 1888 г.⁴. Получив 22 марта 1889 г. от О.А. Новиковой сочинения И.С. Аксакова, Тихомиров восхищается: «Вот уж умища барыня!»⁵. Символично и то, что Тихомиров выбрал Новикову крестной матерью своего сына Саши, хотя она и не смогла лично присутствовать на крещении. В июле 1889 г.,

² См.: Морозов Н.А. Повести моей жизни. Т. 2. М., 1961. С. 684; РГАЛИ. Ф.1185. Оп.1. Ед. хр. 675. Л.98; Л. 104.

³ Воспоминания Льва Тихомирова М., -Л., 1927. С. 259-260.

⁴ Там же С. 263.

⁵ Там же С. 347.

узнав, что Новикова в очередной раз едет в Лондон, Тихомиров записывает: «Видно, так больше и не увижу эту личность, с которой так экстраординарно столкнула судьба. Будто самим богом была послана»⁶.

Что же происходило в душе Тихомирова, когда он одновременно испытывал на себе обвинения революционеров и недоверие консерваторов? Казалось бы, «перейдя Рубикон», он должен был отбросить все сомнения, но этого не произошло. Если его брошюра написана языком человека уверенного в правоте своего дела, то его письма и дневниковые записи представляют пример поразительной рефлексии. Постоянные жалобы на бытовую неустроенность и отсутствие денег смешались в них с надеждами на то, что ему, Тихомирову, еще предстоит сыграть особую роль в политической жизни России. Он обвиняет и революционеров и консерваторов, мучается от недоверия к нему, и полон жажды деятельности. Он хочет обратить свои способности на пользу правительству, и не верит в прочность позиций этого правительства. Прощенный, и вернувшийся на родину, начиная борьбу с радикалами, он уже сомневался в исходе этой борьбы. Последнее представляется наиболее важным и объясняет ту раздвоенность, которая будет постоянно присутствовать в душе Тихомирова, и в итоге приведет его к отходу от публицистической деятельности. Он не верил ни в свои силы, ни в силы самодержавной России, и уже в сентябре 1889 г. заявлял: «Я уже знаю, что сделать в общественном смысле мне ничего не удастся. Я уже понял, что Россия, при всей своей глупости, во мне все-таки не нуждается. Я понял, что мне нужно думать о себе, о своей душе, а затем исполнять текущие маленькие обязанности, которые еле-еле по силам мне, не мечтая о крупных»⁷.

Бывшая соратница Тихомирова — А.П. Прибылева-Корба обратившись к его судьбе после перехода в монархический лагерь, грустно замечала: «Разумеется, ему разрешили вернуться в Россию, но держали его в черном теле. Мечта Тихомирова о том, что ему предстоит большая роль в исторической судьбе России была плодом его больного ума. Далее сотрудничества, а позднее редактора бессмысленных «Московских Ведомостей» ему не было хода. Он писал бездарнейшие статьи, их печатали, и этот полнейший упадок литературного таланта Тихомирова является верным доказательством его психического недуга»⁸. Те, кто внимательно читал дневники и письма Тихомирова, несомненно заметил постоянно присутствующее в них ощущение обреченности. Конечно, о психической болезни Тихомирова говорить нельзя, но письма (в том числе и публикуемые здесь), хорошо показывают присущую этому человеку душевную противоречивость и определенную двойственность его характера.

Письма Л.А. Тихомирова к О.А. Новиковой, хранятся в ее личном фонде, в РГАЛИ. Для данной публикации были выбраны два письма за 1888 г., наиболее типично отражающие душевное состояние Тихомирова в этот период. Письма публикуются по автографам хранящимся в РГАЛИ (Ф. 345. Оп. 1. Ед. хр. 746, лл. 1-2 /об./, 39-40 /об./). В публикации сохранена авторская пунктуация. Выделенные слова подчеркнуты Л.А. Тихомировым.

⁶ Там же С. 360.

⁷ Там же С. 365. В октябре 1912 Тихомиров записал в дневнике: «...Недаром Столыпина убили. Он хотя и конституционалист, но человек «прусского образца» и по энергии [характера] не дал бы Монарха в обиду. А теперь - люди! ... и, вероятно, куча прямых предателей. В народе же даже и для Вандей нет уголка. Не Курская же губерния со своими правыми? Несчастный Монарх, мне Его до смерти жалко, но... Царь очень плох, народ столь [...] Я лично, признаюсь, потерял всякую веру в спасение» (ГАРФ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 21. Л. 124 /об./ - 125).

⁸ РГАЛИ Ф. 1185. Оп. 1. Ед. хр. 675. Л. 104 /об./

Ольга Алексеевна!

Позвольте прежде всего поблагодарить Вас за Ваше милое письмо. Вокруг меня так много злости, так много даже простой мерзости относительно меня, но сочувствием меня не балуют. Очень желал бы познакомиться с Вами. Я к сожалению знаю Вашу публицистику больше по наслышке, и Вы бы сделали мне удовольствие прислав что-нибудь похарактеристичнее — в ожидании, так как едва ли я буду в Лондоне. Надеюсь — и это м<ожет> б<ыть> более осуществимо — что Вы не забудете меня если бы Вам случилось приехать в Париж. Адрес мой avenue du Maine, 204. Фамилия моя пишется несколько иначе, именно Tikhomirov; впрочем это не важно. Видеть Вас очень бы желал. В конце концов — людям русским, людям устроения следовало бы также спланиваться, как спланиваются люди расстройтва. Говорю конечно о сплочении в нравственном смысле.

Писать обо мне Вы можете все, что считаете полезным, лишь бы точно было. О вреде для меня думать не стоит. Во-первых, — я боюсь, что мне и без того сделают все зло, весь вред, на сколько лишь хватит их сил. Во-вторых, — прятаться мне ни в каком отношении не идет. Не для того я начал, не для того пожертвовал <...> а впрочем не будем впадать в торжественный тон. Попросту — можете действовать. Я ведь и сам не буду молчать, и сделаю все в пределах, так сказать, материальной возможности, для противодействия нашим революционным идеям. «Прежние друзья» знают это очень хорошо. Потому то они и не спорят со мной, а избрали тактику — образовать вокруг меня пустое пространство, в котором пропадает именно материальная возможность действия. Никто, не сочувствует, Ольга Алексеевна, повторю, что меня и без этого съедят настолько, насколько хватит зубов. Но знаете ли Вы то, что пишут обо мне эти господа? Это не безынтересно. Я уже вызвал целую литературу⁹, и — знаете ли — честное слово — никогда в жизни я не воображал, что бы мои прежние товарищи были так глубоко нечестны. Уверю Вас — я никогда не был таким, когда был с ними <...>¹⁰.

Еще раз позвольте выразить удовольствие, какое мне доставляет знакомство с Вами. Очень, очень <прзбр> бы желал, чтобы оно было личным. Позвольте пожать руку Вашу.

Л. Тихомиров

19 ноября 88
204 av<енue> du Maine

Ольга Алексеевна,

Вы очень добры, но, откровенно говоря, я остаюсь в самом пасмурном настроении. Боюсь, чтобы вся масса чепухи, клеветы, выдумок, подозрений, валяющаяся на меня со всех сторон, не зарыла меня окончательно под собою, и не имела бы действительным результатом то, что я окажусь выведенным из жизни, и то, что я стану невозможным к

⁹ Оценку действий Л.А. Тихомирова со стороны его бывших единомышленников см.: Лавров П.Л. Письмо к товарищам в России по поводу брошюры Л.А. Тихомирова. Женева, 1888; Серебряков Э.А. Открытое письмо Льву Тихомирову. Женева, 1888; Плеханов Г.В. Новый защитник самодержавия, или горе Л. Тихомирова. Женева, 1889; Бах А.Н. Записки народовольца. М.-Л., 1929; Кузьмин Д. Народовольческая журналистика. М., 1930.

¹⁰ Накануне отъезда в Россию Тихомиров сжег бумаги, которые могли скомпрометировать бывших товарищей. Вначале он хотел просто зачеркнуть компрометирующие места, но потом подумал, и уничтожил бумаги. «А то еще не дай Бог - не успею исправить, и будут когда-нибудь на меня сыпаться в защиту чорт знает чего. Жечь - жаль было, но сжег» - писал он Новиковой (РГАЛИ. Ф. 345, Оп. 1. Ед. хр. 747. Л. 15-15 об.)

работе. Мне это гроб. Я в узком смысле не деловой человек¹¹. Но я боюсь, что я вижу и понимаю кое-что, что другие поймут еще не скоро, а может быть даже тогда, когда уже будет поздно¹². Это даже не гречневая каша, сама себя хвалящая, а просто результат очень своеобразного и очень разнообразного опыта.

Знаете ли, прежде, когда у меня еще мелькала мысль о возможности амнистии (теперь я в это почти не верю), у меня была своя идея. Я думал отыскать кого-нибудь из умных людей там, сверху, и навязаться, хотя прямо требовать, — на разговор, выложить, что у меня на душе, чего я боюсь, что по мне можно бы сделать. Но вот фатальное положение! Хуже Кассандры, ту считали хоть сумасшедшей, а меня прямо каким то неприятельским лазутчиком. Просто смерть. Это преувеличенное недоверие меня огорчает вдвойне: оно не только превращает в прах все мои благие намерения (что пожалуй еще не важно, так как — один лишний человек не много составляет), но составляет очень скверный признак относительно самого дела. Ведь в сущности это недоверие ко мне заключает огромную долю недоверия к себе. И вот это меня просто оскорбляет. Как! Неужели люди русской Истории, русского Царя, — не могут себе представить, что их дело, их идеи могут кого-нибудь искренне привлечь? Неужели они так уверены, что искренне, по совести, и без расчетов можно делаться только революционером? Это ужасно, Ольга Алексеевна, уверяю Вас, что подавляет и обескураживает. Я — один из образчиков того, к чему приводит это органы <?> состояние духа. Я никак не допропущусь <...> Чего? Каких благ? Чтоб я мог содействовать модели порядка, людям порядка, скажу прямо — русским людям. Чего же бояться? Ведь я пропущу не в охрану Государя, ведь я буду находиться под надзором. Что я могу сделать? Кому и чем повредить? И вот — скоро год (с выхода моего <нрзбр>) если не считать раньше <?> революционные элементы, к которым присоединяется наконец и либеральствующие <нрзбр> неукоснительно меня мучат всевозможным лганьем, разрушают репутацию, подрывают влияние, возможность деятельности. Во всем революционном мире не было человека с таким чистым именем как мое, в глазах молодежи, но ведь знаете — <нрзбр> <...> И вся эта гля делает свое дело. А те, которых я бы хотел поддержать они <...> «не доверяют». Какое, подумаешь, производительное занятие! Ну и пусть бы себе не доверяли, а только не мешали бы работать! Я не знаю, в чем упрекнуть себя — сделал все что мог. Ведь я прошу милости, я — каюсь <...> пусть думают, что это неискренне, во всяком случае я дал все аннотации <?>, я взял все унижение на себя. Милосердие никакого Правительства не унижает. Почему стало быть не попробовать, не окажусь ли я искренним, а стало быть и полезным. По вреду, который я приносил, можно все-таки ждать, что я сумею быть и полезным, — если этого хочу действительно <...> ¹³.

Но вот — поди же! Они «не доверяют» <...> Заметьте, что если бы я просился в шпионы, меня бы сейчас же пустили. Переход в шпионы — понимается, а честное убеждение в нелепости революционных идей — нет!¹⁴.

¹¹ Финансовые проблемы были для Тихомирова поистине камнем преткновения в течение всей его жизни. 18 марта 1889 г. он записал в дневнике: «Я не деловой человек, в делах денежных и вообще материальных чувствую себя детски - беспомощным, и когда они плохо идут, я выпадаю в уныние» // Воспоминания Льва Тихомирова. С. 346.

¹² Ср.: Мне твердо казалось, что я имею некоторую миссию... Я тогда видел, что я понимаю больше, чем все, кого я знал и читал // Там же. С. 331.

¹³ Посылая В.К. Плеве свою брошюру «Почему я перестал быть революционером» Тихомиров признавался: «Если мы отбросим все наговоры и неточности, остается все-таки факт, что в течение многих лет, я был одним из главных вожаков революционной партии, и за эти годы, - сознаюсь откровенно, - сделал для ниспровержения существующего правительственного строя все, что только было в моих силах» // Воспоминания Льва Тихомирова. С. 231.

¹⁴ Тихомиров стремился объяснить свое поведение по отношению к бывшим соратникам не только с точки зрения нравственных принципов, но и с точки зрения конкретной пользы для правительства. 29 ноября 1888 г. он писал Новиковой: «Мое убеждение, что только строжайшее соблюдение достоинства, самое педантическое обережение

Меня это сокрушает. Мои идеи конечно от этого не меняются, не меняется и поведение. Напротив. Чем слабее что-либо вокруг правительства, тем обязательнее для каждого человека становится вокруг него, приносить ему свои силы. Но тяжело видеть это, и особенно когда - руки связаны, и не можешь ничем помочь.

Вы мне простите этот язык, Ольга Алексеевна. Я ведь не чужой, да и говорю не чужому. Отвергаемый или нет, я - душевно - стою за то же дело. Горькое слово вырывается от желания добра, а не со злорадством. Да и говорю я Вам, а не кому-нибудь из неприязненного лагеря.

Ну будет однако. Пожалуй и Вам настроение испортить.

Л. Тихомиров

чести и приличий может меня сделать полезным Правительству. Переход честного человека и не озлобленного как бешеная собака - производит огромное впечатление. Но что доказывает переход на сторону Правительства - какого-нибудь жулика или даже честного, но не помнящего себя от злобы человека?» // РГАЛИ Ф. 345. Оп.1. Ед. хр. 746. Л. 61 /об/.

В ПРЕДЫДУЩИХ ВЫПУСКАХ:

Эхо. Сборник статей по новой и новейшей истории Отечества. Вып. 1. М., 1999.

Репников А.В. Неизвестная мистическая повесть Л.А. Тихомирова

Репников А.В. Российское консерваторы о социализме

Юрченко И.Ю. Формирование казачества Северного Кавказа и роль в национальной и региональной политике России (в рамках постановки проблемы)

Важенин А.Г. Земские ветеринария и страхование скота в Московской губернии

Федоренко А.А. Эволюция политического режима Российской Империи в оценках В.М. Чернова

Федоров С.В. Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в ноябре-декабре 1918 г.

Стародубова А.Л. Рецензия: В.В. Зверев. Реформаторское народничество и проблема модернизации России: от сороковых к девяностым годам XIX века

Эхо. Сборник статей по новой и новейшей истории Отечества. Вып. 2. М., 1999.

Соловьев Я.В. Бюрократизация аппарата министерства финансов Российской империи в правление Николая I

Данилов Д.Д. Самодержавие и нарождавшееся гражданское общество на рубеже 70-80-х гг. XIX века: начало поисков компромисса

Савков В.В. Еще раз о теоретическом принижении «семидесятников» (некоторые спорные проблемы эволюции народничества)

Савков В.В. «От бунтарства к реформизму»: наброски к портрету В.К. Дебогория-Мокриевича

Важенин А.Г. Общеземские хозяйственные организации (опыт взаимодействия регионов)

Стародубова А.Л. Юридическое совещание 1917 г. и либеральная модель реформирования России

Ахрименя Е.Н. Во всеоружии контроля: административное регулирование частного капитала в хозяйственной жизни страны в первой пол. 1920-х гг.

Федоров С.В. Доклады В.А. Антонова-Овсенко в Центральный комитет РКП(б) о работе в Тамбовской губернии с октября 1919 г. по март 1920 г.

Репников А.В. «Эстетический аморализм» в произведениях К.Н. Леонтьева

Макаров В.Г. В объятиях Вселенной: антропологическая проблематика в творчестве А.Л. Чижевского

Научное издание
ЭХО
сборник статей по новой и новейшей истории Отечества
Выпуск 3

Наш адрес в Интернете – [http:// rushhistoryof20th.gq.nu](http://rushistoryof20th.gq.nu)

Техническая редакция: А.Л. Стародубова.
Подписано в печать: 11. 05. 2000 г. Бумага офсетная.
Формат бумаги 60/90. Усл. Уч. – изд. л. 7,3.
Тираж 500 экз. Заказ № 125.

Изготовлено и отпечатано в издательстве МПУ «Народный учитель»
107005, г. Москва, ул. Радио, д. 10-а, т. 265-41-63

